

МОСЯН ТУНСЮ

МАСТЕР ТЁМНОГО Пути

1

Комильфо
2026

俄罗斯的读者朋友们，大家好！

小时候，我经常阅读俄罗斯作家的经典作品，从没想过有一天这片土地上生活的人们也会阅读并喜爱我创作的小说，这是很不可思议的人生体验(◉▽◉)！

恰逢十周年，“魔道祖师”迎来了在俄的再版。感谢读者们的热情支持！也非常感谢出版社和相关工作人员们的努力。

翻开本书，旅途即将开始。

祝大家阅读愉快！

一本书会迎来Happy Ending
而忘羡两个人的故事永不结束

墨香铜臭
2025.10.31

Послание Мосян Тунсю российским читателям

Здравствуйте, дорогие читатели из России!

В юности, когда я запоем читала романы и повести русских классиков, то и подумать не могла, что однажды у меня самой появятся поклонники из этой далёкой страны... Опыт поистине невероятный!

По счастливой случайности переиздание «Мастера Тёмного Пути» в России совпало с его десятой годовщиной. Дорогие читатели, я сердечно благодарю вас за поддержку! Также большое спасибо издательству и всем, кто принял участие в работе над романом, за их нелёгкий труд.

А теперь переверните страницу — и да начнётся путешествие. В добрый путь!

У всякой книги есть свой конец. Но история главных героев не заканчивается с последней строкой — она будет длиться ещё очень и очень долго.

Мосян Тунсю
31.10.2025

TOM 1

УДК 821.133.1-7

ББК 84

Т 11

Мосян Тунсю. Мастер Тёмного Пути. Том 1. 魔道祖师 Mo Xiang Tong Xiu — М.: ЭКСМО, 2026. — 336 с.

ISBN 978-5-04-232151-1

Тринадцать лет назад Вэй Усянь, Старейшина Илина, ступивший на Тёмный Путь, был уничтожен силами мира совершенствующихся за свои злодеяния. Но судьба даровала ему второй шанс... и неожиданно-негаданно возвратила к жизни в чужом теле.

Не успев толком освоиться, Вэй Усянь окунается в череду загадочных событий. Чтобы спасти юных совершенствующихся от опасности, он вновь обращается к Тёмному Пути... но оказывается пойман с поличным. И как-то недобро на него поглядывает Лань Ванцзи — знакомый Вэй Усяня из прошлой жизни, с которым у них было немало разногласий.

Возрождение

Глава 1

— Возрадуйтесь! Вэй Усянь мёртв!

С карательного похода на Могильные холмы не прошло и дня, как во все концы мира совершенствующихся¹ разлетелись вести. Столь яростно не полыхал даже пожар былой войны.

Вскоре все, будь то сыны именитых кланов или совершенствующиеся из далёких захолустий, только и обсуждали этот поход. Объединившись, его возглавили четыре великих клана сокровенного учения и повели за собой остальных — и больших и малых.

— Замечательно! Отличные новости! И кто же тот герой, что сразил самого Старейшину Илина?

— Как кто? Его младший брат по учению, нынешний глава Цзян Чэн, поступил за близкими узами ради общей цели, собрал воедино кланы Юньмэн Цзян, Ланьлин Цзинь, Гусу Лань и Цинхэ Не и уничтожил логово Вэй Усяня, Могильные холмы!

¹ Совершенствующиеся — люди, которые ищут бессмертия путём различных духовных практик.

— И хорошо, что уничтожил, скажу я вам!

Раздались хлопки, кто-то звонким голосом поддакнул:

— Точно-точно! Если бы Юньмэн Цзян не взял его под опеку и не обучил, так бы и слонялся этот Вэй Ин¹ по улицам до конца дней своих. Хотя чего уж там! Прежний глава относился к нему как к родному сыну, а он отрёкся от них, пошёл против всего мира совершенствующихся и навлёк позор на воспитавший его клан. Да к тому же чуть не довёл до полного истребления семью Цзян! Как в народе говорят? Пригрели змею на груди? То-то и оно!

— Цзян Чэн позволил этой твари бесчинствовать слишком долго. Когда предатель Вэй сбежал, его надо было не мечом пронзить, а сразу к праотцам отправить. Глядишь, и всех тех безумств не случилось бы. С такими, как он, лучше забыть о совместной учёбе и дружбе с детства!

— А я другое слышал: мол, Вэй Ин следовал Тёмному Пути и управлял мертвецами, а они взяли да ополчились на него! Заживо разодрали на кусочки, даже костей не оставили!

— Ха-ха-ха! Вот вам и скорое воздаяние! Я всегда говорил, что его мертвецы словно псы без привязи: искусают любого на пути — потом и хозяина загрызут. Ну и? Получил по заслугам!

— Трудно сказать, возымел бы карательный поход такой успех, если бы не молодой глава клана Цзян: он-то знал слабые места Старейшины Илина. Стоит ли напоминать, что было у Вэй Усяня в руках? Не забыли ту ночь, когда он погубил три тысячи прославленных мужей?

— А разве не пять?

— Три, пять — какая разница? Хотя пять даже больше похоже на правду...

— И впрямь обезумел...

¹ Вэй Ин — первое, или семейное, имя Вэй Усяня. Называя его так, а не по второму, уважительному, имени (Вэй Усянь), говорящий показывает своё пренебрежительное отношение.

— Одно благое дело он всё-таки совершил перед кончиной: уничтожил Печать Тьмы. Уцелей эта дрянь, принесла бы людям только новые беды, а преступления Вэй Усяня были бы в разы тяжелей!

«Печать Тьмы» — стоило прозвучать этим словам, тут же повисла тишина. Всех сковал ужас.

Немного погодя раздался сокрушённый вздох:

— Эх... А ведь когда-то Вэй Усянь был очень достойным молодым господином из именитого клана и подавал большие надежды. Он проявил себя ещё в юные годы, мог бы и дальше наслаждаться радостями жизни. Да вот как обернулось...

Разговор перетёк в другое русло, и со всех сторон вновь слышались осуждающие голоса:

— Это лишь доказывает, что к совершенству должно идти по Праведному Пути. Тёмный Путь только на первый взгляд такой заманчивый: кажется, что и море по колено, и горы по плечо. А чем всё закончилось?

— Даже трупа целого не осталось!

— Дело не только в Пути, которому он следовал. Вэй Усянь сам по себе был человеком скверным — вот и разгневал Землю с Небесами. Как говорится, каждому воздастся по делам его: что сотворишь, то к тебе и вернётся...

О мёртвых либо хорошо, либо ничего, кроме правды. А у людей правда о Вэй Усяне была одна. Если кто и пытался робко возразить, ему сразу затыкали рот.

И всё же крохотные червячки сомнений продолжали точить сердца.

После гибели Старейшины Илина, Вэй Усяня, никто так и не смог призвать его душу.

Возможно, когда мертвецы рвали на куски его тело, они и её растерзали... А возможно, она ускользнула.

Будь то первое, все бы вздохнули с облегчением. Однако никто не сомневался в невероятной силе Старейшины Илина,

способной двигать горы и осушать моря — по крайней мере, по слухам, — так что он вполне мог воспротивиться «Призыву души». Если же в будущем Вэй Усянь возродится в новом теле, то настанет день, когда не только совершенствующиеся, но и обычные люди столкнутся с одержимым жаждой мести чудовищем. Тогда разольются кровавые реки — и мир утонет в беспросветной тьме.

Потому на Могильных холмах установили сто двадцать каменных животных-оберегов и каждый клан начал проводить частые ритуалы «Призыва души». Все строго бдели: не случилось ли где захвата тела или другого странного события?

Минул год — тишь да благодать.

Минул второй — тишь да благодать.

И третий минул — тишь да благодать.

Прошло тринадцать лет, а в мире по-прежнему царили тишь да благодать.

Всё больше людей начинало верить, что не таким уж выдающимся был этот Вэй Усянь и что душа его в самом деле канула в небытие.

Раньше он мог без труда поставить на колени весь мир, но в итоге оказался на коленях сам.

Никто не в силах оставаться на вершине целую вечность, а слухи не более чем слухи.

Жестокость

Глава 2

Стоило Вэй Усяню открыть глаза, он получил пинка в грудь. — Дохлым прикинулся, а?! — прогремело у самого уха.

Удар отбросил Вэй Усяня назад с такой силой, что он приложился затылком о пол, а из горла едва не хлынула кровь. «Пинать меня, Старейшину! Совсем страх потерял!» — промелькнула смутная мысль.

Он столько лет не слышал живого человеческого голоса — что уж говорить об оглушительной брани. Голова кружилась и гудела, а в ушах отдавались хриплые вопли какого-то юнца:

— Подумай-ка, на чьей земле ты живёшь? Чей рис ешь? Чьи деньги тратишь? Что с того, если я взял твои вещи? Здесь и так всё моё!

Вокруг тут же загрохотало, словно кто-то задумал перевернуть всё вверх дном. Бум! Бам! Хрясь! Что-то падало на пол и разлеталось вдребезги. Перед глазами Вэй Усяня постепенно прояснялось: из темноты выплыл тусклый потолок,

а следом — перекошенное, зелёное от злости лицо. Брызгая слюной, оно орало:

— Ещё жаловаться посмел! Думаешь, испугал? Думаешь, в этом доме ради тебя хоть пальцем пошевелят?

Рядом с ним возникли две крепкие фигуры; судя по виду, слуги.

— Молодой господин, всё разгромили!

— Так быстро? — крикнул юнец.

— Да в этой хибаре и громить-то нечего..

Лицо молодого господина сделалось довольным, и он снова напустился на Вэй Усяня, тыча пальцем так, будто намеревался вмять нос тому в голову.

— Сначала посмел ябедничать моим родителям, а теперь покойником прикидываешься. Сдалось кому твоё барахло! Небось опять побежишь жаловаться, что я разгромил твою хибару? Возомнил себя невесть кем только потому, что несколько лет совершенствовался в именитом клане! А самого-то вышвырнули вон, как дрянного пса!

Вэй Усянь лежал едва живой и думал: «Я и так давным-давно умер, зачем мне притворяться? Кто все эти люди? Где я? И когда меня угораздило захватить чужое тело?!»

Вдоволь отпинав неприятеля, юнец прихватил своих подручных и с важным видом покинул убогое жилище.

Громко хлопнула дверь.

— Не спускать с него глаз, — послышался хриплый голос. — Пусть сидит под замком: не хватало ещё, чтобы снова нас опозорил!

— Как прикажете! — хором ответили слуги.

Стоило шагам удалиться, всё вокруг накрыла тишина. Вэй Усянь подумал, что было бы неплохо сесть. Вот только тело совсем не слушалось, так что пришлось вновь улечься на пол. Превозмогая головокружение, он повернулся на бок и принялся рассматривать незнакомую комнату, заваленную хламом.

Рядом обнаружилось бронзовое зеркало. Вэй Усянь подтянул его к себе и в отражении увидел странное бледное лицо с неровными пятнами румянца на щеках. Высунуть ещё кроваво-красный язык — и вылитый призрак висельника.

Опешив, Вэй Усянь отбросил зеркало и провёл по щеке рукой. На пальцах остались белые следы. К счастью, лицо не было таким от рождения — просто его прежний хозяин оказался с придурью. Вне всяких сомнений, тело принадлежало мужчине, но мужчине, размалёванному пудрой и румянами.

Потрясение придало Вэй Усяню сил — он наконец смог сесть и разглядеть под собой магический круг. Алый и неровный, нарисованный, видимо, от руки кровью — ещё влажной и источавшей запах сырого мяса, — круг испещряли кривые закорючки заклинаний. Когда Вэй Усянь упал, они местами стёрлись, но менее зловещими от этого не стали.

Как бы то ни было, недаром Вэй Усяня многие годы величали наивысшим воплощением зла и основателем Тёмного Пути. Подобные практики он знал как свои пять пальцев, потому с первого взгляда понял, что произошло.

Ничего он не захватывал — тело отдали добровольно!

«Добровольное пожертвование» было своего рода проклятием. Суть заключалась в том, что человек наносил себе раны, рисовал кровью магический круг, затем писал на нём заклинания и садился в середине. Во время ритуала он отдавал своё тело в качестве платы, а его душа погибала раз и навсегда. Так в мир возвращался исключительно жестокий и злобный дух, обязанный исполнить последнюю волю призывателя. В общем, старый добрый «Захват тела», только в обратную сторону.

Оба заклинания пользовались дурной славой, однако второе, будучи куда известнее, применялось чаще, чем первое. В конце концов, едва ли найдутся такие желания, ради которых человек отдаст не только жизнь, но и посмертие. Мало кто соглашался идти на подобные меры, и за последние лет

сто «Добровольное пожертвование» почти забылось. В летописях упоминалось лишь три или четыре случая, и каждый раз люди хотели одного — отомстить. А злые духи, откликнувшись на зов, осуществляли их чаяния самыми беспощадными и кровавыми способами.

Вэй Усянь не хотел с этим мириться.

С чего бы он «исключительно жестокий и злобный дух»? Да, слава о нём шла худая, а погиб Вэй Усянь и вовсе страшной смертью. Но он никогда не вредил живым и не искал возмездия! Даже мог поклясться, что более мирного неприкаянного духа не сыщется ни на Небесах, ни под землёй — нигде!

Щекотливость положения состояла в том, что едва дух оказывался в новом теле — сделка считалась заключённой. Хотел того или нет, он был обязан исполнить волю призывателя, иначе проклятие могло обернуться против него самого.

Вэй Усянь распустил пояс и поднял руки. Действительно, оба запястья пересекали жуткие надрезы. Кровь уже остановилась, однако Вэй Усянь знал, что это не обычные раны: если не выполнить условие в срок, они будут расти день ото дня, пока душа и тело не сгинут на веки вечные.

«Ну это уж слишком!» — твердил про себя Вэй Усянь, снова и снова убеждаясь, что ошибки нет. Немного погодя он опёрся о стену и кое-как поднялся.

Хотя комната была достаточно большой, она выглядела пустой и ветхой. От простыней и одеял несло затхлым духом, словно их не меняли целую сотню лет. В углу лежала бамбуковая корзина для мусора, а рядом с ней и всё содержимое, которое вытряхнули во время погрома.

Вэй Усянь подобрал смятую бумажку, расправил и обнаружил, что её сплошь покрывают слова. Тогда он быстро собрал остальные листки.

Должно быть, записки оставил прежний владелец тела, который в порывах отчаяния изливал свои горести на бумаге.

Порой его мысли скакали с пятого на десятое, а от кривых закорючек веяло страхом. Вооружившись терпением, Вэй Усянь просматривал листок за листком, и чем дольше он читал, тем сильнее чувствовал неладное.

Связав воедино свои догадки, он более-менее понял, как обстояли дела.

Выяснилось, что имя бывшего хозяина тела — Мо Сюаньюй, а место, где Вэй Усянь оказался, называется деревней Мо.

Дед Мо Сюаньюй происходил из богатого рода, поселившегося в этих краях. Его семья была немногочисленной, и, как он ни старался, после долгих лет усердного труда произвёл на свет лишь двух дочерей. Имена не упоминались — известно только, что старшая была от законной жены и её ждало успешное замужество и положение хозяйки дома, а вот младшая, настоящая красавица, родилась от служанки. Семья Мо собиралась выдать её хоть за кого-нибудь и отослать с глаз долой, но кто мог предположить, что девушке неожиданно-негаданно улыбнётся удача? Когда ей исполнилось шестнадцать, через здешние места проезжал глава одного именитого клана совершенствующихся и влюбился в неё с первого взгляда. Двое тайно встречались в деревне Мо, а через год на свет появился Мо Сюаньюй.

Поначалу окрестные жители не скрывали презрения. Однако простые люди всегда относились к совершенствующимся с почтением и считали их избранниками богов, загадочными и благородными. Кроме того, глава клана не скупился на подарки для родни своей возлюбленной, так что мнение народа постепенно изменилось: семья Мо задрала нос, а другим только и оставалось, что завистливо на неё поглядывать.

Но хорошее, как известно, долго не длится: года через два привычные блюда приелись, захотелось свежего мяса, а потому глава клана появлялся в деревне реже и реже. Когда Мо